

О. В. Кузьмина

«Облечётся в красные, и в червленые, и в багряные одежды» (древнерусская верхняя мужская одежда XIV—XV веков)

O. V. Kuzmina.

“He will put on red, dark red and purple clothes” (early Russian upper clothing of men in 14 —15 cc.)

The author studies male outerwear of the Russian townspeople in 14—15 cc. and elucidates elements of costume, borrowed from west and east. Costume occupied an important place in life of medieval people. Their world view was to a large extent reflected in clothes. The article also brings to light some customs and beliefs related to the Russian male costume. Such complex approach allows a better understanding of medieval mentality.

O. V. Kuzmina.

„Se va îmbrăca în haine roșii, și purpurii, și roșii întunecate” (îmbrăcămintea superioară bărbătească din Rusia Kieveană din secolele XIV—XV).

Articolul examinează îmbrăcămintea superioară bărbătească din orașele Rusiei Kieveane din secolele XIV-XV. Sunt evidențiate elementele costumului, împrumutate din est și din vest. Costumul ocupa un loc important în viața oamenilor medievali. Articolul prezintă obiceiurile și convingerile, legate de costumul rus bărbătesc. O asemenea abordare complexă permite o înțelegere mai bună a mentalității oamenilor din Evul Mediu.

O. B. Кузьмина.

«Облечётся в красные, и в червленые, и в багряные одежды» (древнерусская верхняя мужская одежда XIV—XV веков).

В статье исследуется верхняя мужская одежда русских горожан XIV—XV вв. Выявляются элементы костюма, заимствованные с Запада и Востока. Костюм занимал важное место в жизни средневековых людей. Их мировоззрение во многом нашло свое отражение в одежде. В статье приводятся обычаи и верования, связанные с русским мужским костюмом. Такой комплексный подход позволяет лучше понять менталитет людей средневековья.

Keywords: History of costume, Ancient Rus, male costume.

Cuvinte cheie: istoria costumului, Rusia Kieveană, îmbrăcămintea bărbătească.

Ключевые слова: история костюма, Древняя Русь, мужская одежда.

Основные виды мужской одежды исследуемого периода перечислены в новгородской берестяной грамоте № 141 (XIII в.): «кожух», «свита», «сороцица», шапка, сапоги. Кожух — шуба, свита — верхняя одежда, сорочка — нижняя рубашка. На сорочку в теплое время года надевали либо верхнюю рубаху, либо свиту.

Нарядные, шелковые рубахи из боярских и княжеских погребений конца XV—XVII вв. достаточно короткие — до колена или чуть ниже. Однако в новгородских рукописных книгах XIV в. можно найти миниатюры, на которых мужчины изображены в длинных парадных рубахах. На миниатюрах Радзивилловской летописи мужчины изображены в рубахах раз-

ной длины — от очень коротких, не доходящих до колена, до очень длинных — достигающих щиколоток. Различия в длине рубах зависели от занятий персонажей миниатюр и от их социального положения. Князя в мирной жизни изображены и в коротких, и в длинных цветных рубахах. Сопоставление летописного текста и изображения на миниатюрах позволяет предположить, что длина рубахи демонстрировала возраст князя — более старшие князя носят соответственно и более длинные одежды. Во время похода князь на коне изображен в короткой рубашке. Знатные люди на миниатюрах Радзивилловской летописи всегда изображены в длинных рубахах или других длиннополых одеждах. Простые воины —

в коротких рубахах под доспехами. Однако военачальники, бояре даже в доспехах изображены в длинных рубахах. Ремесленники, простые горожане, скоморохи одеты в короткие рубашки, не достигающие до колен. И так, судя по изобразительным источникам, в костюме богатых, знатных горожан присутствовали и короткие, и длинные рубахи. Длинная нарядная одежда свидетельствовала о достатке человека и его социальном статусе.

Непосредственно на рубаху надевалась свита. По-видимому, это была наиболее распространенная верхняя одежда горожан в исследуемый период. Многочисленны упоминания свит в письменных древнерусских источниках (Срезневский 1912: 275—276; Зализняк 2004: 444). Вероятно, именно в свиты одеты новгородские бояре на иконах XV в — «Молящиеся новгородцы» и «Битва новгородцев с суздальцами». В списке XV в. «Русской правды» читаем: «А се о шевци. Аще швец исказит свиту, не умея шити или гневом, да ся биеть, а цены лишен» (Летопись Авраамки 2000: 297). То есть, свиты шили на заказ профессиональные портные — «шевцы». Это свидетельствует о сложном покрое изделия, требующего профессиональных навыков при шитье, а так же об определенном социальном статусе вещи. Нарядные свиты, шитые на заказ, явно были одеждой состоятельных горожан. Впрочем, термин «свита» в древнерусских источниках несколько размыт, под ним, возможно, подразумевалось несколько видов верхней мужской одежды. Так, в Житии Нифонта по списку 1219 г. читаем: «Свиты царския и брачныя и красны видением».

Особые темные свиты носили монахи и послушники (Срезневский 1912: 275). Свиты носило и белое духовенство. В послании митрополита Киприана читаем: «Мирянина священника погresti сице: измыв его и в срачицу нову оболоч и в свиту тако же, также и во стихарь и петрахиль и фелонь» (Срезневский 1912: 275). Монашеская свита обязательно туго подпоясывалась. В документе «Завет мнихом уным в кельи житье» из Келейных правил инокам, по списку XIII—XIV вв. читаем: «Риза же ти проста свита, от сукна самотворена, будь притяжена к телеси; пояс не выше чресл опоясатися, прост кожан». В поучении монахам XIV в. указано, что свита должна быть «притяжена к телеси... ни слабо, яко же раздиратися свите», то есть, монашеский обычай туго перепоясывать свиту объяснялся не только православной традицией, но еще и бережливостью по отношению к одежде. В поучениях особо подчеркивается, что монахи должны носить не покупные свитки и пояса, а изготавливать

их сами, в монастыре: «створить свиты и препоясания многа различная» (Срезневский 1912: 275). Как выглядела монашеская свита, можно представить себе на основе находки одежды XI в. из гробницы преподобного Никиты Столпника Переславского. Одежда была распашной, отрезной сзади по талии, имела сзади оборки и шерстяную «подоплёку» на спине (Ёлкина 2000: 18—20). Такой покроей сохранялся в мужской одежде старообрядцев до XX в. (Русский традиционный костюм 2001: 291—292).

Судя по изобразительным источникам, свита горожан шилась из цветной ткани, вероятно, из сукна, длиной до колена или немного длиннее. Застегивалась свита при помощи парных петель и пуговиц. На некоторых изображениях новгородской свиты XIV в. виден воротник-стоечка. В XIV в. свиты в основном носили накладные, с разрезом спереди от горловины до пояса. Но существовал и другой тип свиты — отрезная по талии со сборками. Нижняя часть свиты — от талии до подола спереди запахивалась, обеспечивая свободу движения. В таких свитах на миниатюрах изображены ремесленники и скоморохи.

В XV в., судя по изобразительным источникам, покроем новгородской свиты меняется — это уже распашная одежда без воротника — «голошейка», приталенная, с подкладкой контрастного цвета. На московской иконе конца XV в. «Митрополит Петр с житием» на князе и боярах изображены свиты с отложными воротниками. Впрочем, вполне возможно, что на данном источнике уже изображен кафтан. Термин «кафтан» по-

Рис. 1. Изображение мужских рубах на клейме иконы «Георгий с житием», Новгород, XIV в.

№6. 2010

является в русских письменных источниках именно в конце XV в. В «Хождении за три моря» Афанасий Никитин, описывая костюм индийских вельмож, применяет термин «кафтан» как понятный русским читателям: «князи и бояре... на себя вздевают порткы, да сорочицу, да кафтан» (Хождение за три моря Афанасия Никитина 2005: 357).

Рубахи и свиты были исконно русской одеждой. Однако мужчины в Новгороде в исследуемый период не чурались и иноземной моды. Западноевропейские купцы прочно обосновались в Новгороде с XII в. На Петровом подворье существовала швейная мастерская, и новгородцы покупали сшитую в фактории одежду (Сквайрс 2002: 61). Портновское ремесло, как источник доходов было запрещено в фактории около 1325 г. (Сквайрс 2002: 112), однако новгородцы, очевидно, продолжали высоко ценить шитую немецкими мастерами одежду. Известен случай, когда новгородские власти приняли взятку от ганзейских купцов в виде одежды из дорогих сукон алого и фиолетового цветов (Русско-ливонские акты 1868: 56—61). Речь явно шла об одежде, сшитой немецкими мастерами-портными. Именно мастерство немецких портных так высоко ценили новгородские бояре, что потребовали в виде взятки готовую одежду, а не рулоны ткани. Ведь они могли бы потом сшить из дорогого сукна себе одежду у новгородских портных, если бы те не проигрывали по качеству немецким коллегам. Разумеется, нельзя исключать вероятность, что речь шла о сшитых немецкими портными одеждах по русскому образцу. Но это маловероятно, учитывая, что речь идет не о сшитых в фактории костюмах (швейная мастерская на Петровом подворье уже шесть лет как была закрыта), а о привезенных ганзейскими купцами готовых одеждах. «Шуба немецкая» упоминается в списке имущества некоего новгородца в берестяной грамоте № 500 (нач. XIV в.) (Зализняк 2004: 543). Следовательно, особого предубеждения против немецкого платья в Новгороде в исследуемый период не было. Только черному духовенству запрещалось носить немецкое платье: «Ни немецкого платиа носить, ни с пухом шуб носить» (1479 г., завещание Ефросина Псковского).

В XV в. в письменных источниках появляется еще одно название мужской одежды — терлик. Традиционно это слово переводят как узкий кафтан, надеваемый на нижнюю рубаху. В Никоновской летописи под 1412 г. находим эпизод, в котором говорится, что князь Василий Михайлович Кашинский «преже всех погна на кони в одном терлике и без кивери». Видимо, на терлик полагалось надевать

что-то еще, и лишь крайняя спешка заставила князя вскочить на коня фактически полуодетым, даже без шапки (кивера). Кивер как вид шапки впервые упоминается в послании митрополита Киприана (конец XIV в.), однако упоминание терлика исследователи считали более поздней вставкой. Но есть источник конца XV в., в котором также упоминается терлик: князь верейский и белозерский Михаил Андреевич завещал своему зятю «терлик камка голуба с пуговицами» (Духовные и договорные грамоты 1950: 312). То есть, терлик был дорогой одеждой, шитый из шелка, вероятно, распашной. Был ли терлик в исследуемый период исключительно княжеской одеждой или его носили и другие сословия — неизвестно. В начале XVI в. в источниках можно найти уже упоминания о терликах, шитых из недорогой ткани («крашенины»), но для XV в. таких данных нет.

Верхние рубашки и свиты обязательно подпоясывались. Значение пояса в мировоззрении средневекового человека было очень велико. Недаром бытовало столько слов, обозначающих этот предмет одежды: пояс, опояска, гашник, кушак... Пояс в средневековой Руси выполнял не только утилитарную функцию (стягивал одежду), но также обрядовую и социальную. Если пояс был тканым, то он завязывался на два узла на животе. Узел («науз») обозначал союз, завязь, живот, жизнь. На покойниках пояс завязывали одним узлом, чтобы облегчить переход в иной мир. Надевание на себя опояска с наузами в ис-

Рис. 2. Скоморох в свите с застёжкой до пояса. Инициал «Х». Псалтирь XIV в.

следуемый период было распространенным способом волхования, осуждаемый в поучительной литературе: «Хотя мало поболит или жена или дитя, то оставиша Бога, врача душам и телам, ищем проклятых баб, чародейниц наузов... Глаголющи, как наузы навязывати» (Даль 1994: 345). На иконе «Молящиеся новгородцы» на детях надеты опояски с наузами. Четко видны по два узла на концах поясов. Можно предположить, что это были колдовские наузы, призванные усилить действие красного пояса-оберега и защитить детей от болезни и порчи.

Веревка («вервие») как знак собственности известен на Руси издавна. «Вервью» называли общину людей, живущих на одной территории. Простейший пояс — это веревка, повязанная вокруг талии. Но любой пояс подобен веревке и следом за ней стал восприниматься как символ обладания. Пояс был обязательным предметом свадебных обрядов. Применялся пояс и в лечебной магии. Существовал обычай снимать с больного пояс и бросать на дорогу, поднявший его заболит (хворь к нему привяжется), а хозяин выздоровеет (Афанасьев 1986: 208).

Пояс был той границей, что отделяет человека от неведомой и нечистой силы. Чтобы совершить колдовство, следовало снять пояс. Нечистая сила ходит всегда неподпоясанная. По другим поверьям с помощью заколдованного пояса можно было превратить человека в волка. Человеческий облик к нему возвращается только когда пояс изотрется и лопнет (Афанасьев 1986: 210). Мужской пояс часто выступал в качестве самостоятельного оберега, который вывешивался в охраняемом пространстве или прикреплялся к охраняемому объекту. В погребальных обрядах пояс также принимал участие. После выноса тела покойника в некоторых областях России ворота завязывали красным поясом, чтобы «закрыть» живым дорогу на тот свет (Афанасьев 1986: 217).

Состоятельные горожане в исследуемый период носили кушаки — длинные широкие пояса, обхватывающие талию несколько раз. Такая манера ношения кушака (узел и свисающие кисти спереди) видна на скульптуре мастера Авраамия на Сигтунских вратах Новгородской Софии. В былинах о Василии Буслаеве «его то дружину храбрую кушаками исперевязали».

Особое место в мужском костюме занимал наборный пояс — ремень, украшенный металлическими бляшками, свободный конец которого оформлялся поясными наконечниками. Основное время бытования на Руси таких поясов — домонгольский период, однако

археология Новгорода и Новгородской земли знает находки поясных накладок и обрывков поясов XIV—XV вв. В сказаниях многих народов фигурирует пояс, придающий его обладателю чудесную силу. У славянских народов считалось, что пояс увеличивает мужскую силу (Маслова 1984: 46). Эта связь пояса с фаллическим культом сохранялась в христианской Руси. Мужчины носили длинные кожаные пояса, так, что конец пояса, украшенный наконечником, свисал примерно до середины бедра. Такая манера носить ремень сохранилась с языческих времен, когда пояс олицетворял мужскую силу, а свисающий конец — фаллос. По христианским представлениям пояс обозначал силу, крепость, власть и готовность к служению. В церковном сознании священнический или монашеский пояс — это знак духовной силы, готовности служить людям. В средневековой Руси верили, что с помощью пояса священника можно лишить нечистую силу способности двигаться.

В княжеских духовных грамотах вплоть до конца XVI в. присутствуют описания драгоценных поясов, передаваемых из поколения в поколение. К примеру, Иван Калита пишет: «А при своем животе дал есть сыну своему Семену 4 чеши золоты, 3 поясы золоты... А из золота дал есмь сыну своему Ивану 4 чеши золотые, пояс болший с женчугом, с камнем, пояс золот с капторгами, пояс сердоличен золотом окован... а из золота дал есмь сыну своему Андрею 4 чеши золоты, пояс золот фрязский с женчугом с камнем, пояс золот с крюком на червчате шолку, пояс золот царевский... а что моих поясов серебряных, а то раздадут по попьям» (Духовные и договорные грамоты 1950: 7—8).

Поскольку драгоценные княжеские пояса передавались по наследству, их судьбу можно проследить по завещаниям последующих великих князей. Так, Иван II пишет: «А се даю сыну своему князю Дмитрию... пояс великий золот с камнем с женчюги, что мя благословил отец мой князь великий, пояс золот с крюком... а се дал есть сыну своему князю Ивану... пояс золот с камнем с женчюги, что ми дал брат мой князь великий Семен, пояс золот сточный» (Духовные и договорные грамоты 1950: 16).

Дмитрий Донской в свою очередь пишет: «сыну моему старшему, князю Василью... пояс золот велики с камнем без ремени, пояс золот с ремнем Макарова дела... а сыну моему князю Юрию, пояс золот новьи с камнем с жомчугом без ремени, пояс золот Шьшкина дела... а сыну моему, князю Оньдрею... пояс золот старьи новгородский, а сыну моему, князю Петру, пояс золот с ка-

меньем пегии, пояс золот с калитою да с тузлуки... а сыну моему, князю Ивану, пояс золот татаур» (Духовные и договорные грамоты 1950: 36). Василий I завещал сыну своему Василию «пояс золот с камнем, что ми дал отец мой, да другой пояс мой на чепех с камнем, а третий пояс ему же на синем ремени» (Духовные и договорные грамоты 1950: 61). В духовной грамоте Василия Темного читаем: «А сына своего Юрия благославляю икона Филофеевская, да крест золот... да пояс золот на червчатые ремни» (Духовные и договорные грамоты 1950: 197). Пояса выделяются и в завещаниях удельных князей. Юрий Дмитриевич Галицкий оставляет своему младшему сыну Дмитрию Шемяке «пояс золот с камнем без ремени, чем мя благословил отец мой, князь великий Дмитрий». Согласно летописи, предложением для феодальной войны середины XV в. послужил именно золотой пояс одного из сыновей Юрия Дмитриевича — Василия Косого. В 1433 г. на свадебном пиру князя Василия Васильевича (будущий Темный) разгорелся скандал, связанный с тем, что золотой пояс, одетый на Василии Косом, ему по праву не принадлежал. Обиженный Василий перешел на сторону своего отца — князя Юрия, что и явилось началом войны. В 1498 г. пояс участвует в обрядах, установленных после венчания великого князя: «за обедом, как бы в качестве дара, (Димитрию) был поднесен широкий пояс, сделанный из золота, серебра и драгоценных камней, которым его и опоясали» (Герберштейн 1988: 82).

Драгоценные золотые пояса были символом не только княжеской власти. В Новгороде золотой пояс, по-видимому, был знаком представителя власти Новгородской республики. Любопытно, что на иконе XV в. «Битва новгородцев с суздальцами» изображены новгородские бояре в поясах желтого цвета. Возможно, иконописец таким образом изобразил именно золотые пояса.

К сожалению, ни один из новгородских или княжеских золотых поясов до нас не дошел. Однако есть археологические находки, позволяющие понять, как выглядели эти драгоценные элементы костюма. Золотые пояса в исследуемый период были известны и в Золотой Орде. В традиционном монгольском обществе пояс и шапка — символы личной свободы. Золотые пояса носили ханы, высшие чиновники и отличившиеся старшие офицеры монгольского войска. Многочисленные находки деталей монгольских золотых поясов позволяют восстановить внешний вид этих статусных украшений.

В эпоху средневековья пояс служил своеобразным карманом — к нему подвешивались

разнообразные футляры с необходимыми в быту мелкими предметами. Набор вещей, подвешиваемых к поясу, у многих народов сходен и достаточно устойчив. В Новгороде мужчины у пояса обязательно носили нож и огниво, затем, по необходимости, ложку в футляре, большую сумку (калиту, мошну), возможно, церу в футляре...

Поверх свиты в холодную погоду на Руси надевали шерстяной плащ или одежду плащевидного типа. По материалам древнерусских погребений реконструируются застегиваемые фибулами накидки. Фиксируются разные способы их ношения: 1) с застежкой на шее или у плеча, 2) с застежкой сбоку (при этом одна рука оставалась открытой). В письменных источниках упоминаются несколько видов плащей — «мятель», «вотола» («волоту»), «япкыть», а так же княжеские плащи — приволока и коць. Далее речь пойдет только о двух первых видах плащей, поскольку специфические элементы исключительно княжеского костюма в данном исследовании не рассматриваются. Особый вид плаща «корзно», который в исследованиях по древнерусскому костюму традиционно называют княжеским плащом, судя по новгородским берестяным грамотам, был плащом состоятельных горожан. Корзно упоминается в грамотах № 638 (конец XII в.) и в грамоте № 648 (нач. XIII в.). В первом случае речь идет о пошиве корзно на заказ для какого-то новгородца, причем портной намеревается оставить плащ себе. Во второй грамоте корзно входит в список предметов, принадлежащих какому-то Ваське, то есть, тоже речь идет явно не о знатном человеке. В исследуемый период плащ-корзно, видимо, выходит из употребления, поскольку больше в источниках не встречается.

Плащ «япкыть» встречается один раз в берестяной грамоте № 138 (нач. XIV в.). В «Повести о Михаиле Тверском» находим еще один вариант написания слова: «князь Юрий повелел своим людям прикрыть тело... кыптом своим». Как установил В. А. Кучкин, так называли войлочный плащ (Зализняк 2004: 534). Покрой его не ясен.

Плащ-мятель, вероятно, появляется в XII в., сосуществует с корзно, но, в отличие от последнего, доживает до XIV в. Слова «мятель» в древнерусский язык пришло, по-видимому, из средневерхненемецкого — от *mantel* (лат. *mantum*) — род верхней одежды, плащ. Впервые термин встречается в новгородских источниках XII в. В берестяной грамоте № 776 (вторая половина XII в.) упоминают «мятель в поло гривны» (Зализняк 2004: 307). В Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (1189—1199 гг.)

мятль оценен еще выше: «оже упхнет любо мятель роздерет, то 3 гривны старые» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 55—56). Судя по источникам, мятль был дорогим плащом, носили его состоятельные люди. Шили плащ из цветного сукна. «Лазоревый мятль» упоминается в грамоте № 131 из Торжка (конец XII в.) (Зализняк 2004: 452). «Мятль руда-во», то есть красный, просит прислать брата новгородец Данила в грамоте № 765 (середина XIII в.) (Зализняк 2004: 566). Еще раз слово «метель» встречается в грамоте № 418 (нач. XIV в.) (Зализняк 2004: 566). Возможно, что кроился мятль полукругом, подобно плащу XIV века, найденному в болоте Бокстен (Nockert 1997: 52—55).

В литературе по истории костюма часто встречается мнение, что вотола была дешевая одежда простолюдинов. Видимо, имеет место путаница названия одежды и ткани. Ткань вотола действительно была толстая, грубая и дешевая — из льняных и посконных охлопьев (Поппэ 1965: 151—152). К примеру, в одном из источников XIV в. свита из вотолы упомянута как одежда юродивого: «и облечеса в власяницу, и на власяницу свиту вотолу и начаша оуродство творити» (1377 г.). Возможно, что название ткани «вотола» происходит от немецкого названия этой ткани — «ватмал». Новгородская берестяная грамота № 130 упоминает термин «водмол», являющийся переходным от немецкого *watmal* к русскому «вотола». Однако в берестяной грамоте № 521 (вторая половина XIV — первая половина XV века) упоминается вотола ценой в полтора рубля, то есть, имеется в виду уже плащ-вотола (Зализняк 2004: 655). Отметим, что цена коня в той же грамоте названа три рубля. То есть, плащ-вотола стоил всего лишь в два раза меньше, чем конь. Следовательно, это была добротная одежда из хорошей ткани. В духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича (1389 г.) сказано: «А сыну моему, князю Юрию... вотола сажена», то есть, украшенная жемчугом или драгоценными камнями (Духовные и договорные грамоты 1950: 36). Еще в одном источнике упоминается вотола как вид одежды: «он же летя запяся вотолу за другую ветвь и не имая помощи оудавися ожерельем» (1406 г.), то есть, вотола в данном случае — одежда (плащ, накидка?) с воротником (ожерельем).

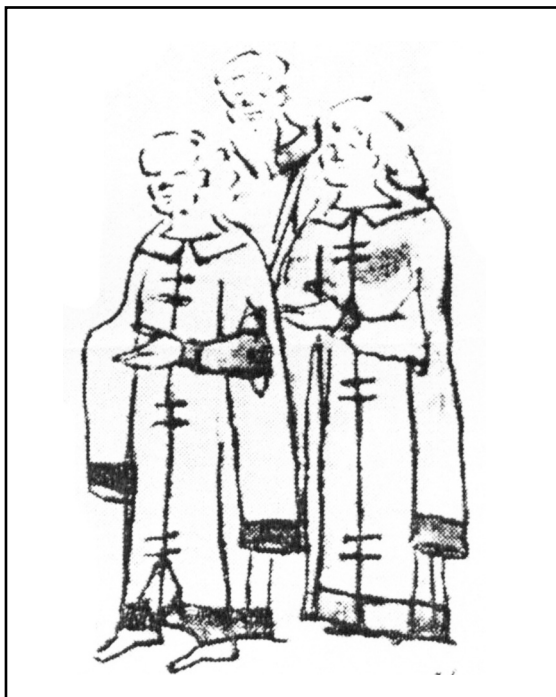
Митрополит Киприан в конце XIV в. писал псковскому духовенству: «А мужи бы к святому причастью в волотах не приходили, но снимаа волоты; а на ком пригодится опашень или шуба, а они бы припосясывались» (Памятники древнерусского канонического права 1880: 242). Из этого источника вовсе не следует,

что вотола была настолько грубой одеждой, что в ней не следовало входить в церковь. Прочтем текст еще раз. Митрополит перечисляет три вида теплой верхней одежды — волола, опашень и шуба. Все три вида одежды могли носить внакидку на плечах. Но если опашень и шубу можно было одеть в рукава и подпоясать, то плащ-вотолу подпоясать было нельзя. Поэтому такой плащ надлежало снимать перед причастием.

Здесь следует пояснить, почему так возмутила митрополита манера псковичей носить верхнюю одежду внакидку («на опаш»), не подпоясывая. Напомним, что в христианской традиции пояс являл собой символ смирения плоти. Киприану, приехавшему на Русь из Константинополя, показалось верхом неприличия являться в церковь в не подпоясанной верхней одежде. Простым горожанам, одетым в вотолы, митрополит просто запретил входить в такой верхней одежде в церковь. Иное дело бояре, которые щеголяли в церкви друг перед другом богатыми шубами и опашнями. На Руси повсеместно бытовал обычай одевать в церковь все самое лучшее. Митрополит понимал, что заставить бояр снять символы своего богатства — шубы и опашни — он не сможет. Киприан приказал подпоясывать эту одежду. Дело в том, что митрополит видел одежду такого типа в других православных землях. К примеру, в Молдавии знатные люди носили длинную парадную одежду с декоративными откидными рукавами, отложными воротниками, застежками-петлицами, то есть, очень похожую на русские опашни. В таком одеянии изображен господарь Александр Добрый на епитрахили из монастыря Путна (XV в.) и молдавские сановники на фреске из монастыря Арборе (XVI в.). Однако носили они эту одежду не нараспашку, а застегивая на все пуговицы, а порой и подпоясывая широкими кушаками, то есть, более соответствующим, с точки зрения православной церкви, образом.

Неизвестно, послушались ли приказа в Пскове, однако в Новгороде (а Псков и Новгород входили в одну церковную епархию) призыв митрополита не был услышан. На иконе середины XV в. «Молящиеся новгородцы» новгородские бояре молятся в распахнутых опашнях, накинутых на плечи. На иконе того же века «Битва новгородцев с суздальцами», написанной по заказу архиепископа, новгородские бояре изображены в опашнях, накинутых на плечи, застегнутых на одну верхнюю пуговицу. Один из бояр в опашне преклоняет колени перед чудотворной иконой. Даже святые изображались порой в накинутых на плечи опашнях и шубах.

№6. 2010

Рис. 3. Мужчины в опашнях. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в.

То есть, на Руси просто не поняли и не выполнили требования митрополита Киприана.

Опашень был парадной выходной одеждой богатых людей в Древней Руси. Великий князь Иван Иванович в 1358 г. завещал своему сыну князю Дмитрию «опашень скорлатен сажен» (Духовные и договорные грамоты 1950: 8), то есть, опашень, сшитый из скорлата — дорогого фландрского сукна, да еще и унизанный жемчугом. Возможно, именно в опашни, сшитые из скорлата, одеты бояре на иконе «Молящиеся новгородцы». Именно по этому изобразительному источнику, а так же по иконе XV века «Битва новгородцев с суздальцами» и по миниатюрам Радзивилловской летописи можно восстановить внешний вид новгородских опашней. Опашень был длинной одеждой, скроенной таким образом, что его полы были короче спины. Ворот опашня был отложным, видимо, из шелка контрастного цвета. По краям ворот могли обшить жемчугом. Шился опашень «в два ряда», то есть с подкладкой. В духовной псковича Павла (XIV—XV вв.) упомянут «опашень дворядней синей и с пыкты понощеньи» (Марасинова 1966: 58). Подкладка опашня обычно была шелковая, отличного цвета от верха. Рукава были длинные, декоративные, руки в них не вдевали. Вдоль пол опашня нашивали около десятка пар петель и пуговицы. На большинстве новгородских источников бояре носят опашни внакидку на плечах, застегивая лишь одну верхнюю пуговицу. Однако, судя по миниатюрам

Радзивилловской летописи, опашни на Руси могли носить и по-другому — застегивая на все пуговицы, продевая руки в специальные прорезы, сделанные в рукавах. К началу XVI в. опашнем стали называть одежду не только из сукна, но и из плотных сортов узорчатого шелка. Так в завещании русского князя Ивана Борисовича упомянуты «опашень обьяринен голуб... опашень камчат дик венецицкой» (Духовные и договорные грамоты 1950: 351).

Были ли опашень в исследуемый период исключительно мужской одеждой или его носили и женщины? В пользу последнего вроде бы свидетельствует завещание верейского и белозерского князя Михаила Андреевича. Он завещал своей дочери огромный богатый гардероб, в который наряду с другими женскими одеждами входит «опашень рудожелт с пуговицами» (Духовные и договорные грамоты 1950: 312). В завещании волоцкой княгини Юлиании в списке «женского платья» находим «опашень скорлат червчет без пугвиц» (Духовные и договорные грамоты 1950: 350).

Одежда с длинными рукавами впервые упомянуты в Златоусте (XI в.): «ризы носяща блестящесе и роукав нижьша персть...» (Срезневский 1912: 192). Одежда с рукавами, спускающимися ниже кистей рук, была показателем высокого социального статуса. Она как бы демонстрировала, что человеку не надо самому работать руками. В Сборнике Кирилло-Белозерского монастыря (XV в.) упомянуты одежды с длинными рукавами: «роукава же ризе и ширици а долзи» (Срезневский 1912: 192). Длинную, с декоративными откидными рукавами парадную одежду в исследуемый период носили знатные люди и на Востоке, и на Западе. Еще первый исследователь русского костюма А.Н. Оленин обнаруживал в костюме Западной Европы и Руси сходство, обусловленное наличием общих источников заимствования — Византии и Востока: «в XV веке французский король Карл VIII такую же шубу с откидными рукавами употреблял, какую носил в то же время в.к. Иван Васильевич III» (Оленин 1832: 4). Разумеется, в каждой земле были свои особенности — в крое воротников, рукавов, отделке и застежках.

Вероятно, к верхней парадной одежде можно отнести и однорядку. Впервые однорядки упомянуты в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина как подарки татарам от русских купцов. Однорядка была достаточно дорогой одеждой, входит в княжеский гардероб. Однорядка упомянута в завещании русского князя Ивана Борисовича. Это была

длинная распашная одежда с декоративными откидными рукавами, которые спускались ниже кистей рук. Шилась однорядка из сукна «в один ряд», то есть без подкладки.

На основе письменных источников можно проследить изменения моды в Древней Руси. Так, в рассказе о походе 1378 г. читаем о потерявших бдительность воинах: «ездят порты своя с плечь спустя, а петли разстегав, аки распрели, бяше им варно, бе бо в то время знойно» (Новгородская IV летопись 2000: 307). Более поздняя летопись в том же рассказе называет конкретные виды одежды: «начаша ходити и ездити во охабнех и в сарафанех» (Никоновская летопись 2000: 27). Это первое в источниках упоминание сарафана как мужской одежды. Но учитывая, что в других источниках XIV в. ни термин «сарафан», ни «охабень» не встречается, данное свидетельство летописи можно считать позднейшим дополнением, вписанным уже в XVI в., когда данные виды одежды стали распростра-

ненными. Возможно, в Московском княжестве их носили уже в XV в. Охабень — это парадная одежда, похожая на опашень, с длинными узкими рукавами, которые откидывались за спину. Шили охабни из шелковой материи. Точно сказать, когда охабни появились на Руси, невозможно, но широко распространились в Московской Руси они лишь в XVI в. Внешний вид сарафана по источникам точно не восстанавливается, но, вероятно, это была распашная одежда, подобная кафтану.

Даже краткое исследование городской одежды Руси периода развитого средневековья выявляет множество интереснейших параллелей в истории костюма Востока и Запада. Русские люди были способны воспринять и даже переработать на свой манер как западную, так и восточную моду. Поиски схожих элементов в костюмах различных народов средневековья помогает лучше понять менталитет людей того времени, отследить торговые и культурные связи соседних народов.

Литература

- Герберштейн С. 1988. *Записки о Московии*. Москва: Московский государственный университет.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Даль В. И. 1994. *О повериях, суевериях и предрассудках русского народа*. Санкт-Петербург: Литера.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. 1950. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Ёлкина И. И. 2000. Текстильные изделия из гробницы преподобного Никиты Столпника Переславского. В: *Тезисы докладов II региональной конференции по истории Московской области, посвященной 70-летию Московского педагогического университета*. Москва.
- Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянской культуры.
- Летопись Авраамки. 2000. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 16. Москва: Языки славянской культуры.
- Марасинова Л. М. 1966. *Новые псковские грамоты XIV—XV веков*. Москва: Издательство Московского университета.
- Маслова Г. С. 1984. *Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в.* Москва: Наука.
- Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью). 2000. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. IX—XIV. Москва: Языки славянской культуры.
- Новгородская XIV летопись. 2000. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. IV. Ч. 1. Москва: Языки славянской культуры.
- Оленин А. Н. 1832. *Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словян от времен Трояна и русских до нашествия татар*. Санкт-Петербург: типография И. Глазунова.
- Памятники древнерусского канонического права. (Памятники XI—XV вв.) . Ч. 1. 1880. В: *Российская историческая библиотека*. Т. VI. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия.
- Поппэ А. История древнерусской ткани и одежды. Вотолла. 1965. В: «Acta balticj-slavica». Т. 2. Bialostok.
- Русский традиционный костюм. 2001. Санкт-Петербург: Искусство.
- Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским. 1868. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия.
- Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. 2002. *Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов*. Москва: Индрик.
- Срезневский И. И. 1912. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 3. Санкт-Петербург: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.
- Хождение за три моря Афанасия Никитина. 2005. В: *Малетто Е. И. Антология хождений русских путешественников XII—XV века*. Москва: Наука.
- Nockert M. 1997. *Bockstensmannen och hands dracet*. Hallands Lansmuseer, Museet i Varberg och forfattarna Tryckt hos Centraltryckeriet, Boras.

Статья поступила в номер 5 октября 2009 г.

Olga Kuzmina (Velikiy Novgorod, Russia). Candidate of historical sciences.

Olga Kuzmina (Velikiy Novgorod, Rusia). Candidat în științe istorice.

Кузьмина Ольга Владимировна (Великий Новгород, Россия). Кандидат исторических наук.

E-mail: partizan007@yandex.ru